

№ 3
ИЗДАНИЕ

ВЫХОДИТ ДВА РАЗА В МЪСЯЦ.

№ 3
БЕЗПАРТИЙНОЕ.

ОБЩЕСТВЕННО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛ

Чайка

Воскресенье, 16 июня 1918 года.

Цѣна отд. №: здѣсь 60 к., а на ст. ж. д. 75 к.

В пользу фонда на сооруженіе **ПАМЯТНИКА** безвременно сошедшему в могилу амурскому поэту

ФЕДОРУ ИВАНОВИЧУ ЧУДАКОВУ

в ближайшее время будет выпущен въѣочередной №

„**Чайки**“ для каковаго номера редація приглашает всѣх, кто может что-либо **ПОСВЯТИТЬ ДОРОГОЙ ПАМЯТИ ПОЭТА**, прислать свои статьи, стихи и пр., по адресу: Амурская, № 173, М. Х. Катаеву,

Сон в руку.

Александр Алексѣевич Наставников, склонив свою сѣдовласую голову над измызганными, перящливыми тетрадками учеников своего класса, грустно думал:

— Прежде они были пачкунами, но не были намѣренными озорниками. А теперь пачкают и дѣлают кляксы нарочно, намѣренно, только потому, что учитель говорит, что пачкать и кляксить не слѣдует, что всякое дѣло нуж-

Содержаніе № 3:

«Около нашего парламента» — картинки и сценки Дяди Миши.

«Без заглавія» — стихи Ежа.

«Жизнь или смерть» — статья А. Яблоковского.

«Изгнанники» — продолженіе посертной пьесы Ф. Чудакова.

«Сон в руку» — пародія М. Фемидина.

но дѣлать чисто и аккуратно, что чистота и опрятность въѣшняя — залог чистоты и опрятности внутренней, духовной.

— Да, дѣйствительно. — продолжал он размышлять, — учитель для них — тиран. Он требует чистоты, а тут так хочется разлить чернила по партѣ, размазать их рукой, выщипать ими не только тетрадку и нос своего соседа, но и разрисовать собственную рожицу на подобіе татуированнаго индейца. Словом учитель — их враг. Он велит дѣлать то,

что дѣлать скучно, и запрещает дѣлать то, что дѣлать так приятно и весело. Да, да. Учитель чинит насилие над желаніем дѣтей народа, над их волей, над их естественным правом пачкать...

— А кто дѣйствует против желанія и воли дѣтей народа,— тот дѣйствует против самого народа, тот есть контр-революционер, подлежащій суду революціоннаго трибунала!— произнес великъ Наставников и чрезвычайно удивился тому, что его густой спокойный баритон звучит визгливой фистулой вихрастаго озорника Неумойкина. Но он еще больше удивился, увидав взобравшагося с ногами на письменный стол самого Неумойкина и столпившихся тут же его товарищей: курносаго Тяпкина, угреватаго Ляпкина, рябого Хваткина, долговязаго Дудкина, неуклюжаго Головотяпенко, Широкогорова, Урвачева, Глоткина, Стибрина, Лупоглазова, Подхалимова, Лазейкина, Лгунова, Безстыжаго, Межеумкова, Малоуменко.

— Да тут собрался весь мой класс! — поразился Наставников. — Неужели мои мальчиши воспылали такой любовью к наукѣ, что явились в полночь ко мнѣ на дом слушать мой урок? Оказія! Но если так, я готов поучать уму-разуму всегда. Хотя, по совѣсти говоря, чертовски устал, анафемски хочется спать. Но коли народ жаждет знанія,— я готов учить его во всякое время дня и ночи. А там кто еще? Ва! Да на наш ночной урок собрался весь город, вся область, вся Россія! Чего Россія—весь мір присутствует на нем!

— Так вот что, дѣти моей родины, — обратился Наставников к классу. — На нас, как видите, устремлены взоры всего міра. Это обязывает нас соблюдать собственное достоинство. Так что,

тесъ убрать ноги со стола, но вы не свинья в ермолкѣ. Ляпкин, найдите своим рукам болѣе подходящее занятіе, тѣм выдавливаніе угрей. Лупоглазов, перестаньте чесаться, как чушка. А вы, Головотяпов, зачѣм носом шмыр-каете, точно горячія щи хлебаете? Пальцы засовывать в рот тоже не годится, как не годится ковырять ими и в носу. Дѣти социалистической Россіи не должны ни гримасничать, ни кривляться, ни показывать язык, как какія нибудь мартышки, которым нѣтъ никакого дѣла до того, чему учит исторія мірового прогресса, общечеловѣческой культуры. Так ведите же себя на урокѣ благопристойно, не пренебрегайте внѣшними признаками цивилизованности, принадлежности не к дикому племени, не забывайте навыков культурных народов, помните, что на вашем урокѣ присутствует весь цивилизованный мір, а потому...

— Не тебѣ, сонякъ нас учить! — утирая нос рукавом рубахи, взвизгнул Неумойкин. — Не на урок мы к тебѣ пришли и не ученики мы будем тебѣ таперича, а судьи, значит, потому как ты — контр-революционер!

Тут Александр Алексѣевич... проснулся.

Перед ним стояла Евгенія Андреевна и испуганно говорила:

— Саша, к нам звонят. Никак тебя арестовать пришли!

— Ах, это ты,— улыбнулся же нѣ Наставников. — а я думал— Неумойкин!.. Ну, что же, пришли, так пришли... Сон, значит, в руку!

— Какой сон?

— Да вздремнул я тут и мнѣ приснилось... будто мои ученики объявили меня контр-революционером, так как я ставлю им колы, а не пятерки е плюсом за их озорное поведеніе и пачкательство.

М. Фемидин

Около нашего парламента.

(Картинки и сценки с натуры).

I.

Обывательскія рѣчи.

1-й обыватель. Деревня, братцы, очухалась! Большевикам не одобровать! По шеям даст! Ей-Богу!

2-й обыватель. Вы думаете, что мужики против совѣта пойдут? Пропишут отставку совѣтской власти? В таком случаѣ их разгонят!

3-й обыватель. Полноте, господа! Большевики сумѣют умасрить деревню. На сѣздѣ поспорят, погорячатся, может быть, даже кому-нибудь из власть-совѣтцев фонарей наставят. Но в общем положеніе вещей не измѣнится. Так что все разгворы об отставкѣ и разгонѣ — одно лишь чесаніе языков!

1-й обыватель. Не так настроены деревенскіе посланцы! Чтобы сбить их с позиціи, указанной им их избирателями, нужно вычеркнуть из их сознанія всю ту разруху и неразбериху, которая произошла в нашем краѣ за время короткаго хозяйничанья власть-совѣтцев. А что касается разгона, то власть-совѣтцы, надо полагать, не совѣм еще рехнулись, ибо рѣшиться на такой шаг могут только люди, окончательно потерявшие рассудок.

2-й обыватель. Почему вы думаете, что сначала надо сойти с ума, а потом уже разгонять контр революціонное сборище? По моему, для этого нужно быть не сумасшедшим, а истинным рево-

люціонером, безтрепетно устраняющим все, что становится на пути революціи, ведущей рабочекрестьянскій трудовой народ в обѣтованную землю социализма!

3-й обыватель. При настоящих условіях разогнать крестьянскій сѣзд — это все равно, что осудить себя на голодную смерть. А на такой поступок способен только тот, у кого Бог отнял рассудок!

4-й обыв. (до сих пор молчавшій). Большевики живут чувствами, а не разумом. Поэтому, чтобы сдѣлать к.-л. безумн. шаг, им вовсе не нужно лишаться разума. Но крестьяне и так не дадут повода к проявленію безумія. И умасливать их тоже не нужно. Они назад не пойдут, сѣзда своего в контр-революціонное сборище не превратят и совѣтской власти не тронут. Наоборот, эту власть они сами грудью будут отстаивать. Но... возьмут ее в свои руки и будут строить новую жизнь по своему собственному мужицкому разумѣнію. И тѣ, кто, по примѣру других, хотѣл вести их в поводу, сами пойдут в них на поводу.

1-й обыватель. Вот я тоже и говорю, что деревня наkostenяет большевикам!

4-й обыватель. Федот да не тот. Перестаньте жить иллюзіями! Деревня не откажется ни от большевизма, ни от совѣтской власти, а лишь на то и на другое наложит свою положительную мужицкую руку. Большевизм она втиснет в рамки своего практи-

ческого мужицкого кругозора, точно также и советскую власть она сблает чисто мужицкой—ядреной, здоровой и крепкой.

II.

В городском саду.

(На дорожках пестрых группы спорящих граждан).

Первая группа.

Большевик. (В центр круга). Большевики и правые эсэры—Иуды предатели! Они вместе с Семеновым проливают рабоче-крестьянскую кровь, хотят утопить в ней нашу социалистическую федеративно-советскую республику. Иуды, искариоты—вот кто меньшевики и правые эсэры!

Дама в шляпкѣ. На счет Иуды бы мычала, а ваша бы молчала!

Буржуа. Ну, ладно, согласны: меньшевики и правые эсэры—Иуды, прохвосты! А вот скажите нам, кто виноват в том, что у нас теперь нѣтъ ни товаров, ни денег, ни жратвы? Кто убил и окончательно добивает нашу родную торговлю и промышленность? Кто заключил брестский мир, растерзавший великую Россію на клочья, отдавший лучшія ея области в руки нѣмцев, австрийцев и турок. Кто виноват в том, что от великой Россіи осталась одна лишь маленькая Великороссія да и та на ладан дышит, вот-вот испустит дух, сжатая страшными тисками международного капитала, милитаризма и царизма? Кто уничтожил величайшія завоеванія революціи—свободу слова, печати, собраній, союзов, всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, такое право, каким до сих пор не пользуется ни одна страна, ни один народ во всем мирѣ? Кто, наконец, занес руку над народной школой? Кто

одним росчерком пера разогнал учительскій сѣзд и уволил 300 учителей, т. е. закрыл всѣ наши школы и обрек всю дѣтвору города и деревни на поголовную безграмотность и невежество? И если раньше тѣма народная нужна была князьям, помѣщикам, дворянам, чиновникам и попам, то скажите, кому же она нужна теперь? Неужели грамотный, просвѣтленный и просвѣщенный народ будет меньше способен понять свои интересы? Неужели он, став поголовно грамотным, продаст самого себя в рабство буржуазии или дворян и князей?

Большевик. Я вам отвѣчу! Я вам отвѣчу! Брестскій мир заключили мы, большевики. Вѣрно! Но то, что Россія разорвана на клочки и то, что она перестала быть великой, а сблалась маленькой Великороссіей—в этом виноваты не мы, а вы—буржуи, кадеты и тѣ, которых мы называем Иудами и предателями, ибо они, стакнувшись с вами, предали нас—трудовой рабоче-крестьянскій класс! Не заключи вы, всѣ вместе взятые контр-революціонеры, особаго мира с Вильгельмом, не отдай Украины в руки нѣмецких юнкеров—Россія была бы теперь не маленькой Великороссіей, а попрежнему великим и плюс к этому страшным для всей мировой буржуазии социалистическим государством! Буржуи, кадеты, меньшевики и правые эсэры—вот кто истинные виновники гибели великой Россіи, а не большевики!

Барышня с зонтиком (только что подошедшая в обществѣ двух подруг). И хватает же у большевиков совѣсти с большой головы сваливать на здоровую! (Всѣ трое, презрительно-мило улыбаясь, проходят дальше).

Большевик. Безмозглые тунядцы, чернь расфуфыренная, шантрапа, тоже разсуждают о по-

литикѣ! Лучше бы сидѣли под кустами с какими нибудь пустоголовыми шалопаями или шли бы на ту сторону и восторгались бы там звоном шпор, блеском золотых эполет и безстыдной похвалой храбрых офицеров о том, как они обагрят свои руки в крови большевиков, т. е. рабочих и крестьян!

Очевидно учитель. Оставьте барышень в покоѣ, онѣ ушли, все равно вас не услышат! Скажите лучше, почему все-таки вы разогнали учительскій сѣзд?

Похожій на меньшевика. Не большевики его разогнали, а меньшевики. Они вѣдь враги народа, они не хотят, чтобы народ учился. Они вѣдь не желают сблать его зрячим. Зрячаго им нельзя будет вести в поводу невѣдомо куда и зачѣм. А слѣпного можно вести куда угодно, не только в чужую деревню за сбором милостыни, но и на край бездонной пропасти. Слепой не увидит разверзшейся у его ног бездны!

Большевик. Вѣрно! В закрытіи сѣзда и увольненіи учителей повинны меньшевики и правые эсэры. Их там оказалось большинство. Так что же, по вашему, этому большинству мы должны предоставлять возможность безпрепятственно проводить в школѣ вредныя трудовому народу идеи? Позволить им свободно фабриковать и воспитывать из наших дѣтей соглашателей, врагов большевизма? Да отсохни мой язык, если мы это допустим, пока живы и пока власть в руках рабочих и крестьян!

Очевидно учитель. Ваше утверждение, что большинство учителей—меньшевики и правые эсэры—голословно и ни на чем конкретном не основано. Учителя не желают быть ни меньшевиками, ни эсэрами, ни большевиками, а хотят остаться тѣм, чѣм были до сих пор—просто учителями.

Они желают просвѣщать юношество, давать ему знаніе, будить в дѣтях любовь к наукѣ, развивать их ум, воспитывать их душу и вообще вооружать юное поколѣніе познаніями как общеобразовательнаго свойства, так и специальнаго характера. Словом учитель желает, чтобы школа была храмом свободной науки, чистаго знанія и безпристрастнаго, нелицеприятнаго освѣдомленія, а сам он в этом храмѣ являл бы собою нѣчто священное, от всего преходящаго свободное и независимое. Вы же хотите школу превратить в кирпичный завод, а учителей—в машину кирпичнаго производства или в циркульничков, оболванивающих под один номер все наше юношество! Такая школа явится величайшим насиліем над человѣческой природой, а природа за всякое насиліе над собою сурово наказывает своих насильников. Так не оскверняйте же человѣческую природу насиліем, не превращайте народную школу в инквизиторскій застѣнок! Не уподобляйте идею социализма участи Закона Божьяго, обязательное преподаваніе котораго в старой школѣ давало как раз обратные результаты тѣм, на которые было рассчитано его преподаваніе. Возложите на народную школу обязанность на ряду с другими общеобразовательными предметами изученія преподаваніе ученія о социализмѣ. Юношеству же предоставьте право свободнаго выбора и исповѣдыванія той или иной политической платформы. Вот как мыслит то большинство учителей, которое вы с плеча окрестили контр-революціонным. И мыслит оно так независимо от того, кто стоит или будет стоять у власти: большевики, меньшевики, семеновцы или еще кто-либо другой.

Большевик. Вѣрно. Школа

должна быть храмом, но храм не золотого тельца, не мамоны, а новаго божества, новой святыни деревенской и городской бѣдности — социализма! И контр-революционному учительству в этом храмѣ не может быть и не будет мѣста!

Дамская шляпка. Пока вы будете искать да создавать подходящих жрецов для куренія фиміама в этом вашем храмѣ совѣтам и властьсовѣтам, до тѣх пор, значит, наша простая народная школа, а не храм, должна пустовать, двери ея будут закрыты для наших дѣтей и они, вмѣсто обученія грамотѣ, будут бѣгать по вашим засѣданіям, отравляться чадом чловѣконенавистничества, выпитывать в себя, как губка воду, ващу классовую ненависть, партійную муть, сектантскую нетерпимость и фанатизм?

Большевик. Не безпокойтесь! Школы пустовать не будут, учителя найдутся!

Чесучевая рубашка в непи. Ну, конечно найдутся! О чем тут безпокойтесь! Развѣ мало среди красной арміи бывших фельдфебелей, унтеров и ефрейторов? Развѣ они не могут замѣнить школьных учителей? И развѣ непременно нужно обучать дѣтей в школѣ грамотѣ, а не наукѣ владѣть птыком? Развѣ нашим дѣтям в теперешнее время важнѣе знать азбуку, чѣм научиться владѣть винтовкой, постичь в совершенствѣ науку по всѣм правилам военного искусства поражать супостатов совѣтской власти?

Нѣкто в очках. Этого мало! Необходимо объявить мобилизацию всей дѣтвора школьнаго возраста. Пусть эта дѣтвора, особенно буржуйская, саботажническая, соглашательская и бѣлогвардейская, насквозь пропитается красным духом и составит сплошную армію юных красногвардейцев. Тогда наступит окон-

чательный капут контр-революционерам всѣх мастей и оттѣнков, ибо их истребленіем займутся их же собственные дѣти!

Чесучевая рубашка в непи. Вполнѣ раздѣляю эту гениальную идею!

Дамская шляпка. Удивительно! Как это недодумались до этого властьсовѣтцы!

Повидимому соглашатель. Успокойтесь, мадам! Еще не до того додумаются!

Большевик. Э-эх, вы... господа! Недаром говорится, что горбатаго могила исправит! Ангельскія лица, кроткіе взоры, милыя улыбочки, но пините, как змѣи подколотыя! (Выходит из круга).

Хором. Ну, мы змѣи, пиним! А вы кто такіе? Ходячія мощи? Праведники? Идеалисты, безсребренники? Поду-у-маешь!!! Хе-хе!!!

Большевик (дѣлая угрожающій жест): У, гады! Повылѣзали из своих щелей! Сѣзд, думаете, солнышко? Пригрѣет вас? Ошибаетесь! Мы не только снова загоним вас туда, откуда вы выползли, но и выход оттуда замуравим! Шипите тогда сколько угодно! (Удаляется).

Степенная борода. И зачѣм вы это друг на друга слюной брызжете? Какой в этом прок? Гусей дразните. В огонь масла подливаете. Неразумно это, граждане! Неразумно!

Нѣкто в очках. Разум, брат, нынче не в дѣнѣ и не в модѣ. А что касается подливанія масла в огонь, так это хорошо, ибо лучше сгорѣть быстро, чѣм медленно задыхаться в чадѣ!

Вторая группа.
Деревенская бѣдность. Обойдемся без ученых! Они от нашего брата, бѣдности, нос воротят, так черт с ними! Пропади они всѣ пропадом! Не охнем!

Трудовой интеллигент. Без них

вам тоже не обойтись. Вот, например, я бухгалтер. Попробуйте стать на мое мѣсто и дѣлать за меня то дѣло, которое дѣлаю я? Что из этого выйдет? Одна колоссальная неразбериха, ибо вы все перепутаете так, что не найти потом ни начала, ни конца, ни середины!

Деревенская бѣдность. Бухалтера нам не надо. Я вот сорок лѣт веду свое хозяйство, восемь душ кормлю и все у меня в исправности. Я весму, что у меня есть в хозяйствѣ, счет знаю без бухалтера. Так на что-же вы нужны мнѣ?

Трудовой интеллигент. Россія не ваше маленькое крестьянское хозяйство, она велика, хозяйство ея разнородно и огромно. Тут нельзя вести счет на память, нельзя обойтись без точной и правильной записи всѣх доходов и расходов. Без этого нельзя будет производить учет. Мы не будем знать, куда, на что и как расходуются народныя деньги и вообще расходуются ли онѣ на общія наши нужды или же зря проматываются тѣми, кому доверена власть и народная казна. А все-му этому ведет правильный и точный счет наука, называемая бухгалтеріей. Так что бухгалтер является ученым специалистом, мастером своего дѣла и он на своем мѣстѣ так-же необходим, как необходим кузнец у наковальни, слесарь у станка и машинист на паровозѣ. Конечно, если бы скажете, что вам не нужны ни кузнецы, ни слесаря, ни машинисты, то, само собой разумѣется, не нужны не только бухгалтера, но и всѣ прочіе ученые специалисты, т. е. инженеры, архитектора, механики, техники, врачи, агрономы и т. п.

Неопредѣленная личность. Окром землеробов, по их мужицкому разумѣнію, никому и жить на землѣ не слѣдует, пото-

му как мужики—это грибы, а всѣ прочіе—поганки!

Деревенская бѣдность. Оно вѣрно, что поганки! Но и грибы бывают перестоявшіе, червистые. Такіе тоже не лучше поганок. Душа брезгует ими! Не принимает! Но вот на счет машинистов, слесарей и кузнецов—зря. Эти нам нужны. Так что с бухалтерами и прочими шарамыжниками на одну доску их не ставьте! Не заморачивайте нам голову, туману в глаза не напускайте! Знаю! Слыхивали!

Рабочій (на смѣшливо). Не клюет! Перебѣните червячка!

Неопредѣленная личность. Почва неподходящая для сѣмян интеллигентскаго здравомышленія.

Рабочій. Какого там здравомышленія — хитроумія! Ишь, под флагом кузнеца и слесаря в избу деревенской бѣдности хотѣли ввести бухгалтера! Но мужик первых двух пропустил, а перед третьим дверь захлопнул! Ты, говорит, шарамыжник, а таким, говорит, в моем домѣ нѣт мѣста! Здорово отбрил товарищ-крестьянин!

Бывшій. Подождите, и до вас дойдет очередь. И вас зачислят в шарамыжники. Скажут: «Мы работаем от зари до зари, а вы восьмичасовым рабочим днем пробавляетесь, да и то половину лодыря гоняете?». Вот и попадете тоже в шарамыжники!

Рабочій. Не попадем! С лодырями мы будем бороться желѣзной трудовой дисциплиной. А от восьмичасового рабочего дня и сами крестьяне не откажутся, тоже найдут возможность примѣнить его у себя. Так что ваше пророчество нолю подобно!

Бывшій. Давно сказано, что никто в своем отечествѣ не пророк.

Рабочій. К вам это относится не может! Теперешняя Россія

отечеством является только для тѣх, кто стоит на совѣтской платформѣ, а вы, конечно, на ней не стоите!

Бывшій. Лучше было бы, если и вы не стояли на совѣтск. платформѣ, а благоговѣнно пали бы перед ней на колѣни. Право, это было-бы куда благопристойнѣе вашего стоянія на ней сапожниками!

III.

У входа в парламент.

Дамская шляпка. И почему они не выпускают публику? Если бояться гласности, то так бы и объявили, что засѣданія с'ѣзда будут закрытыми. Мы и ждать бы не стали.

Гимназист. Если бы они не боялись гласности, то не закрывали бы меньшевистских газет!

Кепка. А вы знаете, за что онѣ закрыты?

Гимназист. За правду!

Кепка. Хорошая правда—сбѣжать рознь в рабочем народѣ и призывать к вооруженной борьбѣ с совѣтами!

Гимназист. Не правду вы говорите! «Голос Труда», «Голос Рабочаго» и «Искра» не призывают к вооруженной борьбѣ. Эти газеты лишь звали рабочих и крестьян не итти дальше за большевиками. Вот и вся их вина!

Кепка. Я говорю о «Народном Дѣлѣ». Оно звало к вооруженной борьбѣ с совѣтской властью.

Голос сзади. Фактическая поправка: «Народное Дѣло» не выходило при совѣтской власти и, слѣдовательно, закрыть эту газету за призыв к вооруженному возстанію или за что-либо другое совѣтская власть не могла. А вообще валить на отсутствующих можно что угодно—опровергнуть некому!

Гимназист. Призывало-ли «На

родное Дѣло» к вооруженной борьбѣ—не знаю. Но закрытыя меньшевистскія газеты к такой борьбѣ не звали. Факт!

Кепка. Да вы сами с бѣлогвардейцами были!

Гимназист. Нѣтъ, не был! А если бы был и находился здѣсь, то заискивал бы перед совѣтской властью, а не порицал бы ее открыто!

Кепка. Рано вам еще политической заниматься—учиться надо!

Гимназист. Вот я и учусь защищать правду! А вы, повидимому, поздно стали учиться этому искусству, так как успѣхов ваших в сей наукѣ незамѣтно!

Фуражка. (примирительно). Зачѣм переходить на личности? Товарищи! Не надо так!

IV.

В кулуарах.

Лѣвый властьсовѣтец. Диктатура пролетаріата необходима вплоть до полного перехода к социализму. Поэтому не может быть и рѣчи о введеніи в совѣтскую власть элементов, враждебных ей. А крестьяне именно с этими элементами и хотят войти в соглашеніе. Всю пагубность подобнаго соглашательства мы уже испытали. Соглашательством может быть достигнута лишь временная приостановка дальнѣйшей социальной ломки, а затѣм эта ломка снова сбѣлает ураганный прыжок. Так не лучше ли не задерживать, не тормозить соглашательством с буржуазными элементами естественнаго развитія и углубленія социальной революціи? Не благоразумнѣе ли добровольно пойти навстрѣчу тому, что в противном случаѣ неминуемо заставят нас принять? То-есть, не лучше ли сегодня самим поступиться тѣм, что завтра будет силою взято у нас? А соглашатель-

ство именно к этому и ведет тѣх, кто, испугавшись итти вперед, останавливается на полпути. Так что товарищам - крестьянам не слѣдует останавливать воз посреди пригорка, ибо он скатится по наклонной площади и придавит своей тяжестью находящихся внизу! Это нужно знать и помнить!

Большевик - соглашенец. Кого вы разумѣете под буржуазными элементами?

Властьсовѣтец. Деревенских кулаков, богатѣев, всѣх меньшевиков и вообще всю, так называемую, трудовую интеллигенцію.

Правый большевик. Хорошо. Пока забудем о меньшевиках и интеллигенціи. Поговорим о деревенских богатѣях. Причисл. зажиточных землеробов к буржуазіи, исключительно существующей за счет трудового народа, большая несправедливость, а стремленіе провести грань, расколоть на два лагеря крестьянскую массу — это гибельная тактическая ошибка. Она приведет в концѣ концов к тому, что все крестьянство ополчится на рабочих. Столкновение же между собою рабочих и крестьян—это тот конечный финал, та развязка, которую готовятъ все время, создавая революціонное патаніе, и на которую возлагают всѣ свои надежды на возврат к старому строю истинные контр - революціонеры буржуазно - монархической марки. И тѣ, кто зовет к непримиримости и прямолинейности, ствергающей какую бы то ни было возможность совмѣстной работы под совѣтским флагом и не чисто пролетарскими, а тѣм паче с однородными, но лишь с большевистской тактикой несогласными элементами, — тѣ в своем фанатическом ослѣпленіи не сознают, что они собственными руками начинивают бомбу, готовятъ внутренній взрыв, который оторвет не только руки и но-

ги, но и голову и притом не совѣтской власти, а вообще народоволію и народовластію. Эту опасность уже создала центральная совѣтская власть. Она уже отказалась от первоначальной тактики абсолютной непримиримости и несогласности. Это доказывается использованием ею всѣх технических сил, не считаясь с их черной, бѣлой или голубой окраской. Центральная власть приглашает к себѣ на службу бывших генералов, а мы объявляем непримиримыми врагами меньшевиков, т. е. наших единоутробных, но только инако мыслящих, кое-чем не согласных с нами наших братьев. Ужели со вчерашним слугой монархизма сегодня у нас стало больше общности, родственности, и мы можем болѣе полагаться на него, чѣм на нераздѣляющаго большевистской тактики нашего брата - социалиста? По всѣм этим вѣским соображеніям необходимо отказаться от непримиримости по отношенію к тѣм, кто полезен нам своей критикой, знаніями и опытом!

Лѣвый властьсовѣтец. Да! Вон Мухин довѣрился сорока агрономам, послал их в область работать, а они вмѣсто работы агитацией занялись против совдепа и этим нам свинью подложили. Вот и работайте с ними в контактѣ! Да их на пущечный выстрѣл не надо допускать к совѣтской власти! И мы не потерпим, чтобы этих козлов имущее крестьянство впустило в огород неимущаго народа!

Крестьянскій депутат. Но почему вы нас, крестьян, запугиваете? Почему тащите за шиворот на вашу платформу, а не предоставите нам самостоятельно, без принужденія, ступенька за ступенькой, взбираться на нее? Застрачиваніем вы добились лишь того, что наружно с'ѣзд спаялся, объединился внѣшне вокруг угод-

наго вам клича, но внутреннее не довольство, внутреннее сознание навязанности этого клича тяжелым камнем придавило нашу мужицкую душу.

Львыи властьсовѣтец. Нѣтъ, мы вас не запугивали. Мы только обращали ваше вниманіе на послѣдствія, какія несомнѣнно повлекло бы за собой ваше отклоненіе в сторону соглашательства с врагами совѣтской власти.

Крестьянскій депутат. Обѣщать пулю в лоб—это, по вашему, значит, обратить вниманіе на послѣдствія? Хорош способ, нечего сказать!

У.

На галеркѣ.

Дамочка. Смотрите, Мухин-то явился на с'ѣзд прежним Мухиным — в старой рваной тужуркѣ, в которой он был еще на первом крестьянском с'ѣздѣ. А тот джентльмен, котораго мы еще вчера видѣли на «большанкѣ» с портфелем под мышкой, куда-то сразу исчез! И зачѣм ему понадобился этот маскарад? Крестьян-то он за дурачков, за малых ребят считает, что ли?

Буржуйчик. Нѣтъ, он видимо читал о том, как покойный вождь французских социалистов Жорес в парламент являлся в тройкѣ с иглолочки, на бал—во фракѣ, к министрам — в сюртукѣ и т. д., а отправляясь на собраніе товарищей рабочих, он облачался в потертую кучую визитку. Вот Мухин и взял с него примѣръ!

Без заглавія.

Учителю когда-то
Зачѣм-то в ум взбрело:
Не двинуть-ли, ребята,
Из города в село?

Хоть денег-то и мало,
А все-же проживем:

Дамочка. Ну, как вам не стыдно ставить рядом муху со слонком? Вѣдь, это же кошунство!

Видимо саботажник. А Сюткин то какой стал тихій да смиренный! Ниже травы, типе воды! Чует, видно, что не миновать второй порки от крестьян! Не отыграть-ся должно быть, и на «саботажниках»! Хотя саботаж — козырь солидный!

Скептик. Еще как отыграется-то! Раз крестьян «поймали» на резолюціи, то «поймают» их и на саботажах!

Оптимист. А мнѣ кажется, что пѣсенка комиссаров слѣта. С'ѣзд во всѣх учрежденіях всю отвѣтственность за полный порядок возложит на коллективы, руководимые совѣтом народнаго хозяйства. И вездѣ пойдет нормальная работа.

Скептик. Нѣтъ, комиссары не позволят лишиться себя теплых мѣстечек! Они докажут, что без них совѣтская власть — рухнет!

Видимо соглашатель. Наоборот, если комиссары будут упрямлены, то совѣтская власть окрѣпнет. Так пусть же их не упрямляют!

Оптимист. Не только упрямлены, но нѣкоторых еще и суду предадут. Дѣло в том, что если крестьяне признали совѣтскую власть, то они заставят уважать ее всѣх, даже властьсовѣтцев. Вот увидите, как затрепещут перед ней и сами ея создатели!

Подсмотрѣл и подслѣшал

Дядя Миша.

Лишь в брюхо-бы попало,
А в прочем—нипочем
Надумал и рѣшился.
Взял скрипку и штаны...
И клялся и божился,
Что хочет тишины.

Прожил всего лишь с годик,
Все худо, как ни глянь:
Подводит уж животик...
Выходит—дѣло дрянь.

В конец уж обносился
Любитель тишины,
И под конец рядился
В опорки, в пол-штаны...
Не стало больше мочи...
Рѣшил—и в город прет...
Ну, думает, мнѣ вскочит
Хожденіе в народ.

Не долги были сборы.
Одѣл лишь грешневик...
По городу уж вскорѣ
Он дует напрямик...
Такой же сиротинки
Собралось сотни три,
Устроили поминки
По мертвым, брат, мотри!..

И только что отиѣли,
Взялися за дѣла...
Ан, гляд, уж им надѣли,
Взнуздали удила.

Скорѣй, робя, скажите,
Кого и как сознать...
Кто мил, кого бѣжите,
Хотѣлось нам-бы знать?

Ну, тут пошло галдѣнье,
Взбѣсились мужики...
Без всякаго сумлѣнья
Суют всѣ кулаки.

Один кричит: «Работы!».
Другой орет: «Нипикни!»...
Эх, нѣтъ, товарищи, охоты
Припомнить всей ругни.

Была-б, ребята, свалка—
Вмѣшался наш капрал,
И тотчас крѣпкой палкой
Расчистил весь квартал.

Кому вскочила шинка,
Кому набит синяк...
Последніе штанишки
Унес, друзья, не всяк.

Вы думали, ребята,
У нас случилось зло?
(Будь мѣсто наше свято!)—
Все в Турціи было!

В республикѣ Совѣтской
При полномѣ «свобод»,
Не стерпит бич нѣмецкій
Свободный наш народ.

У нас-то все прекрасно...
До точки разберем...
Задарма и напрасно
В тюрьму мы не запрем.
Тѣ скверные людишки,
Что сѣли под замок,
Лишь грязныя дѣлишки
Вершили под шумок.
Ругали крѣпко власти,
Тряслись за каждый грош...
Гляди, какія страсти:
Деньгу народную не трошь!..
Владыко Справедливый!
Ты счастливъ хоть уж тѣм,
Что наш народ сварливый
Не лѣз к Тебѣ ни с чѣм.
Не знаешь Ты контроля...
Берешь, гдѣ сколько хошь:
Никто из этой «моли»
Не скажет: «Стой, не трошь!».

Прости меня, читатель,
Не ставь того в упрек,
Что злобный твой писатель
Всѣх в Турцію увлек.

Заняться-б дома дѣлом:
Вѣдь, столько есть хлопот,
Что людям всѣм умѣлым
Закрывать бы в пору рот.

Так нѣтъ-же: вот людишки,
Прерѣдкостный народ:
Пока не вскочат шинки,
Ни капли не поймет.

Без тыщи резолюцій
Не двинуть ни на шаг...
От этих «эволюцій»
И жуть берет, и страх.

Опомнитесь, ребята!
К горнам и к верстаку!
Земля еще богата...
Кто может—всѣ к станку!

Пусть родина не гинет,
Пусть каждый будет брат,
И, может быть, нас минет
Уж подняты булат.

Да здравствует свобода!
Да здравствует вся Русь!
На счастье нашего народа
Работай всѣ—не трусь!

Еж.

Жизнь или смерть.

Можно отрицать все, что угодно, но законы тяжести отрицать не приходится.

И потому, когда я вижу, что вся грамада Россіи повисла на тоненькой нити желѣзных дорог, я с ужасом думаю:

— Или эта нить выдержит, или Европа увидит такую катастрофу, перед которой и лиссабонское, и мессинское землетрясенія покажутся совершенными пустяками.

Сейчас этот вопрос такой безпредѣльной важности, что для рѣшенія его нельзя останавливаться ни перед чѣм.

Если починают русскіе паровозы может только дьявол, то нужно заключить союз с дьяволом.

Если нужно будет заложить душу народа, то придется, не разсуждая, заложить.

Это вопрос жизни и смерти, и кто бы ни стоял во главѣ Россіи, но от рѣшенія его он не уйдет.

Правительство может быть какое угодно: анархическое, коммунистическое, социалистическое, революціонное или контр-революціонное, но управлять Россіей будет только тот, кто приведет в порядок желѣзныя дороги.

И это так ясно, что, признаюсь, я даже не понимаю той русской безпечности, которая с легким сердцем пропускает все сроки и все «судьбой отсчитанные дни».

Когда на Россію шел нѣмец, мы работали день и ночь. Но когда на нас надвигается голодная смерть, мы не хотим ударить палец о палец и надѣемся только на партійныя заклинанія.

Вѣдь, это теперь совсѣм не секрет, что русскія дороги не принадлежат больше ни Россіи, ни русскому народу, а составляют как бы собственность желѣзнодорожных служащих.

Не Россія, а профессиональный синдикат. Не народ в его цѣлом, а палец от ноги народа— вот кто теперь настоящій хозяин всей сѣти русских желѣзных дорог.

Недавно на засѣданіи конференціи націонализированных заводов этот вопрос обсуждался во всей его полнотѣ, и та картина, которую нарисовали перед собраніем специалисты, производит впечатление выстрѣла в лицо.

Вот нѣсколько штрихов этой картины, дополняющих скорбную телеграмму инженера Кобозева, нынѣ назначеннаго желѣзнодорожным диктатором.

На нѣкоторых дорогах не признают ни совѣтской власти, ни комиссаріата путей сообщенія и вообще не признают ничего, кроме жалованья.

Дороги управляются неуклюжими, многоголовыми коллегіями, в составѣ которых есть и «недостойные люди».

За все катастрофы никто не отвѣчает, и самый вопрос об отвѣтственности считается предразсудком стараго времени.

Был, напримѣр, случай на московском узлѣ, когда желѣзнодорожный мастер, провѣряя путь, нашел, что болты на рельсах развинчены. Мастер сообщил об этом в путевую коллегію, а путевая коллегія сдѣлала выговор винсрному сторожу. Тогда коллегія путевых сторожей, в свою очередь, объявила выговор мастеру и пригрозила, что если он еще раз посмѣет «жаловаться», то будет уволен.

Как видите, это такой случай, который заставляет задуматься всякаго. Вѣдь, по развинченным рельсам могли ѣхать не только мы грѣшныя, но и г. г. комиссары и сам желѣзнодорожный диктатор. И стало быть, жизнь и смерть диктатора зависѣли тут

исключительно от коллегіи путевых сторожей.

— Захотят, — завинтят гайки, не захотят, — не завинтят.

Не лучше обстоит и финансовая эксплуатация желѣзных дорог.

Напримѣр, на Владикавказской дорогѣ билетов прямого сообщенія не дают, а пассажиры передвигаются от станціи до станціи.

Приѣхали на одну станцію—покупают билеты. Приѣхали на другую. — покупают новые билеты.

Это происходит потому, что каждая станція пользуется финансовой автономіей и выручку за провоз пассажиров и грузов берет себѣ и платит жалованье служащим.

Таким образом, сколько промежуточных станцій, столько и билетов (однако, полустанки, как кажется, финансовой автономіей не пользуются).

При таких условіях нельзя, конечно, удивляться, что желѣзныя дороги дают 6½ миллиардов годового убытка, который должен покрываться из нищенской сумы Россіи.

А на-ряду с ним работа желѣзных дорог день ото дня становится хуже, и количество «больных» вагонов и паровозов растет с катастрофической быстротой.

Вот нѣсколько интересных цифр:

На Московско - Курской дорогѣ в 1914 году 7.500 рабочих выпустили из ремонта 545 паровозов.

А в 1918 году, по данным за три мѣсяца, будет выпущено 360 паровозов, при числѣ рабочих в 19.200.

Получается, таким образом, какая-то странная и вмѣстѣ фатальная для дороги аномалія:

— Чѣм больше рабочих, тѣм меньше паровозов.

Эта же аномалія была, впро-

чем, отмѣчена докладчиком и в других областях желѣзнодорожнаго дѣла.

— Число поѣздов уменьшается, а число кондукторов увеличивается.

— Количество паровозов идет на убыль, а количество машинистов все прибывает.

Словом, вездѣ наблюдается все та же странная формула:

— Чѣм меньше, тѣм больше.

Чѣм хуже работают дороги, тѣм дороже онѣ стоят.

Чѣм меньше паровозов, тѣм больше машинистов.

Справедливость требует, однако, отмѣтить, что не вся вина тут падает на желѣзнодорожников.

По крайней мѣрѣ, докладчик на конференціи распределяет эту вину на двѣ части:

— Половина падает на объективныя данныя (голод, дурное управление, недостаток подвижного состава), а другая половина относится за счет желѣзнодорожников.

Но я, однако, по совѣсти не мог бы согласиться с таким распределеніем отвѣтственности, так как в центрѣ дѣла, на мой взгляд, лежит именно дурное управление.

Невозможное, нигдѣ в мірѣ не слыханное и нигдѣ на земном шарѣ не виданное управление!

Выборная система хороша только в тѣх случаях, когда она дает хорошія результаты.

Но если в начальники дорог избирают выдающихся ораторов, приятных собесѣдников или просто «добряков», которые никого не штрафуют и не подтягивают, и которые не знают слова «нельзя», когда к ним избиратели идут с просьбами, то надѣяться на добрые результаты тут было бы просто глупо.

Слово «нельзя» — великое слово, которое должен помнить вся-

кий, кто берет в свои руки возжи и бич.

А, между тѣм, то, что говорил докладчик на конференціи, скорѣе походит на анекдот, чѣм на живую дѣйствительность.

Достаточно сказать, что в результатѣ коллегіальной системы избранія начальников на русских дорогах явился... слесарь, который стоит во главѣ желѣзных дорог общим протяженіем в 4.000 верст и обслуживающих 18 губерній!

Вот уж подлинно: «И рад бы заплакать, да смѣх одолѣл!».

Я, разумѣется, не хочу сказать ничего обиднаго по адресу этого скоростижнаго начальника. Я не имѣю чести знать даже его фамиліи и очень охотно допущаю, что это не просто слесарь, а гениальный слесарь и человек, что называется, семи пядей во лбу.

Но вмѣстѣ со всѣми, чья жизнь зависит теперь от желѣзных дорог, я хочу только одного:

— Чтобы эти гениальные способности были доказаны, и чтобы всѣ «семь пядей» были явлены на дѣлѣ.

Но пока мнѣ этого не докажут, я буду неустанно повторять, что выше лба уши не растут, и что римляне совсѣм не даром выдумали поговорку: всякому свое.

— Художники пишут картины. Моряки командуют флотом. Акушеры помогают при родах. Инженеры руководят, а слесаря подчиняются их указаніям.

Ибо стоит только эти провода человеческой мысли и человеческого знанія перепутать, как сей-

час же наступят остановка культурной жизни и смерть общества.

И это так ясно, что я не могу даже представить никаких доказательств.

Но зато я могу поклясться св. Фомой, что нигдѣ в мірѣ моряки не помогают при родах и акушеры не командуют кораблями.

Повторяю, я не хочу сказать ничего обиднаго по адресу скоростижнаго «путейца», ставшаго во главѣ цѣлой сѣти дорог.

Но я только спрашиваю: а, может быть, честолюбіе этого человека нашло бы удовлетвореніе в какой-нибудь другой области? Может-быть, он согласился бы дирижировать оркестром государственной оперы или руководить преподаваніем в русских университетах?

Вѣдь, согласитесь, что если вопрос о подготовкѣ и профессиональном знаніи вообще выбрасывается за борт, то для нас, жителей, поставивших все на путевую карту, было бы неизмѣримо безопаснѣе и, так-сказать, в тысячу раз дешевле, если бы, вмѣсто желѣзных дорог, слесарь дирижировал оркестром.

— Эка невидаль в самом дѣлѣ плохой спектакль в театрѣ!

Но дороги, но пути сообщенія, от которых зависят жизнь и смерть наши,—это, клянусь св. Фомой, лучше бы отдать в твердыя руки специалистов.

И чѣм скорѣе, тѣм лучше, иначе в Россіи, как во времена Бориса Годунова, опять будут ѣсть человѣчину.

Александр Яблоновскій.

Изгнанники.

Посмертная пьеса Ф. И. Чудакова.

(Продолженіе).

Бродяга. Отцы мои! Вяземскіе пряники! О, государь, за это приношенье прими мое благоволенье!

Антонъ. Теперь запируемъ на просторѣ. Этотъ растворъ кирпича я сейчасъ въ лоханку. (Выплескиваетъ чай изъ чайника). Насыплюмъ самаго настоящаго. (Завариваетъ чай). Товарищъ, Елена, будьте за хозяйку! Садитесь подь образа! Никита, отодвинься-ка. Сестароста, честь и мѣсто. Бродяга, открой сардинки!

Бродяга. Уволь, о государь! Какъ я прикоснусь къ эфтакой нѣжной вещи? Да я ее, кажется, не донесю до рта, проглочу со всей коробкой.

Антонъ. Ничего, покажи, что и ты былъ когда-то культурнымъ человѣкомъ. Возьми долото и остороженъко такъ.

Бродяга. А не лучше-ли напильникомъ?

Никита. Ну, ну, ты моего напильника не порти.

Бродяга. Какъ такъ твоего? Товарищи! Никита начинаетъ проявлять буржуазныя наклонности! Онъ признаетъ право собственности! Протестую! Все должно быть общимъ!

Никита. Все, кромѣ твоего остроумія.

Бродяга (трудясь надъ коробкой): Пожалуйста, бери твою долю. Пятой части для тебя вполне довольно. На весь вѣкъ хватить!

Елена. Бродяга, вы такой-же неисправимый балагуръ, какъ и встарь.

Бродяга. Мое призваніе—быть веселымъ и устраивать счастливые браки.

Антонъ. И доводить женщинъ до самоубійства.

Бродяга. Это какже?

Антонъ. А прядченская попадьа?

Бродяга. Хорошее самоубійство, если она на полтора пуда въ вѣсѣ прибыла.

Никита. А тебѣ какъ объ этомъ извѣстно?

Бродяга. Сердцемъ чувю.

Никита. Да вѣдь у тебя-же нѣтъ сердца?

Бродяга. О, сейчасъ у меня этого сердца—сколько хопъ! Такъ и пылаетъ любовью къ сардинкѣ. Вотъ, готово! Ффу, усталъ! Хуже молотьбы, ей-Богу!

Антонъ. Товарищи! Подымаю чашу фамильнаго чаю за то, чтобы новый нашъ товарищъ Елена...

Бродяга. Я думаль, за меня...

Антонъ. Попавъ въ эти суровые края...

Бродяга. Велика заслуга...

Никита. Не перебивай, Ефимъ!

Антонъ... Нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы не опустить крылья и сохранить свое сердце и душу живу. Какъ ни скверно здѣсь жить, но сохранить самое цѣнное сокровище—душю живу—можно!

Никита. И должно!

Антонъ. И пожелаемъ, чтобы товарищъ Елена не падала духомъ, не поддавалась хандрѣ и на всѣ удары жизни отвѣчала веселой улыбкой. Тяжела, безрадостна и мучительна наша жизнь. Но, товарищи, грошъ цѣна тому человѣку, который улыбается только тогда, когда жизнь его ласково щекочетъ. Сильный человекъ не любитъ щекотки. Пусть жизнь даетъ ему только одни подзатыльники, онъ отвѣчаетъ: «Ничего, до свадьбы заживетъ! Мы еще повоюемъ, чортъ возьми!» Надѣюсь, что въ лицѣ товарища Елены мы будемъ имѣть именно такого человѣка, сильного, смѣлаго и радостнаго.

Бродяга. Уррра!

Елена. Спасибо товарищи! Будущее, конечно, покажетъ, что я какъ. Но должна сказать, что ссылка мнѣ начинаетъ казаться уже не такой страшной, какъ я думала. По правдѣ сказать, я даже немного разочарована. Я думала здѣсь встрѣтить людей хмурыхъ, озлобленныхъ, грустныхъ, подавленныхъ. Можетъ быть, завтра же въ этой комнатѣ я увижу такихъ людей...

Бродяга. Никогда!

Елена. Можетъ быть, этотъ вечеръ проходитъ у васъ въ хорошемъ настроеніи случайно. Но вашъ теплый пріемъ, ваша сердечность, ваши лица, такія ласковыя, живыя, милыя лица—они какъ благотворно дѣйствуютъ на меня. Я ѣхала сюда въ неважномъ состояніи. Думала... Ну, да что говорить! Спасибо, товарищи. Ей-Богу, мы еще повоюемъ, чортъ возьми!

Бродяга. Bravo! Товарищъ Елена! Плюньте на всякія мрачности и предайтесь объяденію. Ей-Богу, на жизнь надо смотрѣть просто, безъ всякихъ очковъ. Ссылка? Велика важность! Никита, вонъ, два раза въ административной былъ, теперь пришелъ съ лишеніемъ правъ, а посмотрите: на немъ никакой коросточки угрюмости или озлобленія. Чистъ и ясенъ духомъ, какъ скворецъ. Я тоже, признаться, поколесилъ по этимъ мѣстамъ и не хвастаясь скажу, что о самоубійствѣ не помышляю. Да и что такое жизнь? Жизнь—это я! А я самъ себѣ хозяинъ. Значитъ, плюю я на какую-то тамъ отвлеченную, выдуманную, злобную старушонку, именуемую въ философіи жизнью. Я—какъ гоголевскій Каленикъ—самъ себѣ голова!

Антонъ. Бродяга, ты все-таки оставь и другимъ! Уже полкоробки съѣлъ!

Бродяга. Виновать, философія у меня всегда аппетитъ подымаетъ. На, подавись. Я пряниками займусь!

Никита. Бродяга—примитивный человекъ, конечно, въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Онъ живетъ эмоціями...

Бродяга. Ну, пошелъ! Пей лучше чай! (Раскусывая пря-

никъ). Ай, да пряникъ! Дай-ка мнѣ, Антоша, полъбнице покрѣпче. Али камень поувѣсистей! Такими пряниками изъ-за угла слоновъ убивать. Его надо четыре года въ уксуеѣ мочить, да потомъ о землю бить полтора сутокъ. Если зубъ сломаю, на Антона искъ подамъ.

Никита. А что, Ефимъ, въ воскресенье диспутъ устроимъ?

Бродяга. Пожалуйста! Ты, пожалуйста, не воображай, что если въ прошлый разъ приперъ меня къ стѣнѣ, такъ уже и побѣдилъ. Мы еще повоюемъ, лѣпшій побери, какъ говорятъ Тургеневъ, Антонъ и товарищъ Елена.

Елена. У васъ и диспуты бывають?

Никита. Да, раза два въ мѣсяцъ. Беремъ какую-нибудь тему и развиваемъ ее путемъ спора... Это дисциплинируетъ умъ и не даетъ опускаться и распускаться.

Антонъ. А на Рождествѣ у насъ спектакль былъ. «Женитьбу» ставили...

Елена. Даже спектакль! Товарищи, да у васъ совсѣмъ хорошо!

Бродяга. Какъ въ лучшихъ домахъ! А хотите, мы сейчасъ стихами будемъ съ Антономъ говорить? Только, конечно, бѣлыми?

Антонъ. Ну, напелъ время...

Елена. А вѣдь это интересно.

Бродяга. Замѣчательно интересно! Вотъ, напримѣръ, тема: пойдѣмъ ли мы завтра къ Тимохѣ молотить? Въ вольномъ подражаніи «Орлеанской дѣвы» это будетъ звучать такъ: (обращаясь къ Антону): Сеньоръ Антонъ! Пойдемъ-ли завтра мы,

О, молотить къ Тимохѣ, о, пшеницу?

Отвѣтствуй мнѣ по правдѣ, о, сеньоръ!

Антонъ. О, государь, Ефимъ великолѣпный!

Къ услугамъ вашимъ я готовъ всегда!

Бродяга. Благодарю, сеньоръ Антонъ! Но только Имѣю смѣлость заявить я вамъ,

Что донъ Максимъ, поклонникъ донны Вѣры,

Мнѣ по ногѣ пребольно закатилъ

Пѣпомъ презрѣннымъ. Посему его

Мы изъ верховнаго совѣта молотильщиковъ

Всевысочайше увольняемъ! О!

Антонъ. Согласенъ съ вами я вполне, согласенъ.

Налейте мнѣ, о, ради Бога, чаю!

Бродяга. Могу-ли я, ничтожный червь земли,

Эсеръ прескромный и весьма ничтожный

Дерзнуть на этакій великій подвигъ?

Отсохнутъ руки у меня! Языкъ къ гортани

Прилипнетъ и чума заѣстъ меня!

Антонъ. А лопать, о, сардинки, о, сеньоръ,
Вы любите!...

(Входятъ Зайцевы и Максъ).

Зайцева. Леночка!

Елена. Вѣра!

(Движеніе. Всѣ здороваются. Женщины цѣлуются).

Зайцева. Золотая моя! Какъ чувствуешь себя?

Елена. Вѣрочка, милая, и ты здѣсь? Господи! Вотъ, гдѣ увидѣлись!

Зайцева. Ну, идемъ скорѣе къ намъ! У меня Васютка одинъ остался. И почувешь, конечно, у насъ. Максъ! Подайте шубу, другъ мой, скорѣе.

Бродяга. Товарищъ Вѣра! Мы ее не отпустимъ! Мы уже стихами говорить стали.

Зайцева. Ладно, Ефимушка, завтра договорите! Нѣтъ, какова Ленка! Какъ снѣгъ на голову. Завтра, товарищи, всѣ къ намъ! Боря, ты ея чемоданъ понесешь.

Максъ. Я же донесу. Тутъ легко!

Елена. Товарищи, вы извините меня. Господи, все у васъ родное, ласковое!

Бродяга. Мужъ товарища Вѣры, а ты оставайся съ нами. Сардинки есть!

Зайцева. Конечно, Борька, ты здѣсь останешься. Леночка, родная, готова? Ну, идемъ!

Зайцевъ. Домой теперь все равно не пойду. У нихъ столько разговоровъ будетъ, что все равно уснуть не дадутъ.

Зайцева. Ладно, ладно! Ну, пошли! Максикъ, да не надо, мы сами!

Максъ. Да тутъ-же тяжело!

Бродяга. Конечно, вамъ не донести. Пусть Максъ доволочетъ!

Елена. До свиданья, товарищи!

Всѣ. До свиданья, до завтра!

Зайцевъ. Завтра придемъ васъ водой разливать!

Зайцева. Ладно, Борька, молчи ужъ!

(Максъ, Вѣра и Елена уходятъ).

Бродяга. Ну, вотъ нашего полку и прибыло!

Антонъ. Славная она...

Бродяга... (хохочетъ): Нѣтъ, Антонъ-то, Антонъ-то! Тостъ говорилъ! Тургенева цитировалъ! Борисъ, чувствуешь? А? Никита? Туда-же на старости лѣтъ—«эмоціи» говорить! А? Ахъ, вы аспиды, язви васъ! Эмоціи вы этакія! Ахъ вы, лѣшіе! Стихами заговорили! А?

Антонъ. Самъ-же началъ.

Открыта подписка

на 10 очередных номеров двухнедельнаго общественно-литературнаго журнала

чайка

издающагося М. Х. Катаевым в г. Благовѣщенскѣ.

Цѣна с доставкой и пересылкой в городъ—55 к за номер, а внѣ города—65 к.
РОЗНИЧНАЯ Цѣна на каждый номер устанавливается в зависимости от себѣстоим.

Вышли и поступили в продажу №№ 1 и 2-й.

В № 1 напечатано:

„Мой девиз“—бѣл стих. Чайки. „Три начала“—стих. в прозѣ М. Катаева „На смерть Ф. И. Чудакова“—стих. Н. Петрова. „Красная Фемида“—фантастическій эксиз М. Фемидина. „Сила жизни“—стих. в прозѣ М. Хрисанфовича. „Изгнанники“—посмертная пьеса Ф. И. Чудакова. „Руку друг другу“—статья Безпартийнаго демократа. „От редакцій“—обращеніе к читателю с просьбой присылать матеріалы, способствующіе выявленію личности трагически покончившаго с собой Ф. И. Чудакова, как поэта, гражданина и человѣка.

В № 2 помѣщены:

Портрет Ф. И. Чудакова—гравюра работы г. Пелля. „Жандармскіе снимки“—клише с тремя фотографіями Ф. И. Чудакова „Вот что писал сам Ф. И. о происхожденіи этих своих снимков“—из его воспоминаній. „Трагедія души поэта или обманутая вѣра“—критическая статья М. Катаева, выясняющая причину трагическаго ухода от жизни Ф. И. Чудакова. „Путь к возрожденію“—бѣл. стих. Чайки. Нигдѣ непечатавшійся стих Ф. И. Чудакова: 1) „В типографіи Чурина“. 2) „Куплеты для граж. Зарянова“. Избранныя произведенія Ф. И. Чудакова: 1) „Баллада о Дарьѣ“, 2) „Изгнанники“ (продолженіе посмертной пьесы).

Подписка на „Чайку“ принимается: в конторѣ типографіи быв. тов. „Эхо“ [Графская, 10], в конторѣ газеты „Земля и Сотрудничество“ (Графская, 35, гдѣ прежде помѣщался „Голос Труда“); в ювелирно-граверной Восса и Пелля напротив почты [Больш., 143], и в мужской гимназіи (у швецара).

Отдѣльные №№ продаются во всѣх перечисленных мѣстах, а также в магазинѣ Кунста [галантерейное отд., касса № 3], в книжном отдѣленіи маг. Чурина, в городской библиотекѣ у сторожа и у всѣх газетчиков.

Всю почту, денежную и простую, надлежит направлять на имя редактора по адресу: Благовѣщенск, Амурская ул., д. № 173.

Редактор-издатель М. Х. КАТАЕВ.

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ В СВѢТ ПЕРВАЯ СЕРІЯ

ИЗБРАННЫХ — **ф. И. Чудакова.**
ПРОИЗВЕДЕНІЙ

В первую очередь (по окончаніи печстан. в „Чайкѣ“, будет издана посмертная пьеса „ИЗГНАННИКИ“

Затѣм выйдут одной книжкой:

ОЧАРОВАННЫЙ ЛѢШІЙ—поэма в стихах.

ДІАНА КЕДРОВСКАЯ—повѣсть.

ТАТЬЯНА—разсказ и др.

Бродяга. Ахъ, черти полосатые! Сардинокъ принесли! А?
Антонъ! Гдѣ твое сердце, язви тебя? Подойди-ка, дыхни на меня!
Готово! Влюбился!!

Конецъ 1-го дѣйствія.

Редактор-издатель **М. Х. Катаев.**

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1918 ГОД на газету

ИЗВѢСТІЯ

Совѣта Трудящихся Амурской Соціалистической Федеративной Республики

Выходит в г. Благовещенскѣ ежедневно, кромѣ дней послѣпраздничныхъ.

Подписная плата принимается на срок не болѣе 3 мѣсяцев, по 3 р. 50 к. в мѣсяц.

Адрес редакціи и конторы: Графская улица № 10.
Телефоны №№ 160 и 350.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на большую экономич. общественно-политич. и литературную газету

„Земля и Сотрудничество“.

Выходит в Благовещенске н/А ежедневно, кроме дней послепраздничныхъ. Цель газеты-широкое освещение вопросов общеполитического и экономического строительства крестьянской и рабочей России, как в центре так и на местах.

Во исполнение решения 5-го Крестьянского съезда, газета ставит своей задачей возможно полное отражение нужд и запросов крестьянского, люда гл. об разом нашей Амурской Социалистической Республики, а также и всего дальневосточного края. Редакция по мере сил и разума будет стремиться, к тому, чтобы облегчить трудовому народу решение задач, выдвигаемых в процессе революционного творчества. Облуждая вопросы чисто-крестьянской жизни, редакция, на ряду с этим, будет давать подробное и всестороннее освещение быта рабочих городской и деревенской бедноты. Содержание газеты распадается на следующие главнейшие отделы: обще-политический; земельный, кооперативный хозяйственно-промышленный; (с горным под'отделом) и торговый; профессионально-рабочий; культурно-просветительный; литературный; местной и краевой жизни. В газете принимают участие видные местные литературные силы и столичные корреспонденты. Телеграммы П. Т. А. и Московского Т. Б. Широко поставленный информационный (осведомительный) отдел, Полное отражение жизни за границей.

Подписная плата—4 р. в месяц. Срок подписки не более 3 х месяцев (вследствие постоянного колебания цен на бумагу и рабочие руки.) Газета доставляется (временю) только почтой.

Отдельный № 25 н., вне города 30 коп.

Ответственный редактор

Член коллектива Ф. В. Дрожжин

Адрес редакци: Графская улица, № 35. Телеф. № 172

Выходит вечером, накануне обозначенного числа